

Джуди Гриффин, любящей этот мир

*И после смерти наипервой — не будет более
другой*.*

ДИЛАН ТОМАС

*В Музее неудач в шведском Гельсингборге собраны
провалившиеся на рынке товары и услуги. Пере-
движные выставки музея проводятся по всему
миру.*

* Пер. Д. Гергеля. — Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

Всю ночь за окном дрались вороны, а измученный джет-лагом Реми Вадия пытался уснуть в незнакомой кровати. Иногда начинала выть собака, и волосы вставали дыбом от этого заунывного воя. Реми приходилось накрывать голову подушкой. Услышав рев мотоцикла, он взглянул на часы: два пополудни. Через несколько минут почти провалился в сон, как вдруг его разбудили громкие голоса с улицы. Реми тихо выругался и откинул простыню. Наконец, в шесть утра встал и пошел в туалет, хотя боялся разбудить спавших в соседней комнате Джанго и Шеназ, а после вышел на маленький балкончик, примыкавший к спальне.

Он облокотился о перила. Легкий ветерок с плещущегося рядом моря трепал его тонкое муслиновое седре*. Внизу колыхались кроны деревьев. И почему чертовы вороны орут всю ночь? Карканье под окнами пугало и нервировало, но бомбейские птицы были такими же дикими и неуправляемыми, как сам этот город. Взглянув на центральную улицу, он подумал, спит ли мать. Ее многоквартирный дом находился всего в паре улиц от дома Джанго, где Реми

* Седре — традиционная белая нательная рубашка зороастрийцев (мужчин и женщин), сшитая из цельного куска ткани.

остался ночевать после того, как друг встретил его в аэропорту.

Реми зевнул: он прилетел из Колумбуса, штат Огайо, полет был долгий, и он совсем выбился из сил. Потом он напомнил себе, зачем приехал в Индию, и ощутил радостное волнение. Сегодня в десять должна была прийти Моназ, племянница Шеназ. Он подумал, не сбегать ли быстро в душ, но решил, что звук льющейся воды потревожит хозяев. И все же ему хотелось выглядеть презентабельно к приезду Моназ и смыть следы усталости. «Первое впечатление часто бывает последним», как часто говорил его отец.

Отец. При мысли о своем веселом добром папе Реми улыбнулся. Со дня смерти Сируса он впервые приехал домой. Три года они с матерью не виделись, и при мысли об этом Реми почувствовал привычный укол вины. Что ж, через несколько часов он ее навестит; он ничего ей не говорил, решил сделать сюрприз. Может, теперь, когда отца не стало и Реми больше не придется защищать его от претензий и колкостей матери, у них получится сгладить углы.

С ветки вспорхнула одинокая ворона и пролетела мимо балкона. Реми с детства ненавидел ворон: однажды птица напала на него и выхватила бутерброд прямо из рук. Острый клюв рассек ему кожу. Реми потер большим пальцем об указательный, нащупывая бледный шрам, оставшийся от того пореза. Сколько же ему было лет? Они с папой тогда пошли в зоопарк. Счастливый день, завершившийся атакой вороны.

Родители хотели пойти в другое место, но что-то нарушило их планы. Они ругались. Закрыв глаза, Реми вспомнил звуки перебранки, доносившиеся из родительской спальни,

непрерывные и мерные, как дождь. Наконец мать вышла из комнаты; ее глаза покраснели от слез. Маленького Реми захлестнула ярость, он бросился утешать и обнимать ее. И опешил, когда она грубо его оттолкнула.

Сирус вышел из спальни и увидел, что Реми споткнулся и у него на глазах выступили слезы. Его лицо вспыхнуло.

— Как тебе не стыдно, Ширин, — сказал он матери Реми. — Злишься на меня, а вымещаешь зло на невинном мальчишке!

Поток воспоминаний нахлынул, и его было уже не остановить: горе матери сменяется гневом; она обвиняет Реми, что тот притворяется, чтобы отец встал на его защиту; Сирус возмущенно кричит. Мать бросает на Реми язвительный взгляд и запирается в спальне.

Реми спрятался в своей комнате, но через несколько минут дверь открылась, и на пороге возник угрюмый Сирус.

— Неохота ждать, пока Ширин придет в себя, и терять такой хороший день, — сказал он. — Куда хочешь пойти?

Реми, недолго думая, ответил:

— В зоопарк. — Недавно в зоопарке родился слоненок. На прошлой неделе Джанго ходил на него посмотреть и до сих пор не мог успокоиться.

— Идет, — сказал Сирус. — Надевай носки и ботинки.

Они заглянули на рынок и купили для слонов три кокоса и голову пальмового сахара, твердую как камень. Взрослые слоны раскалывали кокосы пополам, наступая на них ногой, и ловко извлекали мякоть. Реми визжал от восторга и смеялся, когда слоненок безуспешно пытался сделать то же самое.

Когда они вышли из вольера, Сирус обнял Реми за плечи.

— Доволен? — спросил он, и Реми кивнул. — Вот и хорошо, — сказал Сирус. — В жизни у тебя только две задачи, сынок, — быть счастливым и следить, чтобы другие были счастливы. Понял?

«Да уж, задачки не из легких», — пронеслось в голове у Реми, но он решил не думать об этом слишком уж долго и удовлетворенно кивнул.

— Да, пап.

У вольера с тиграми у него заурчало в животе. Он смущенно взглянул на отца, но тот лишь улыбнулся, потянулся к сумке и достал бутерброд с курицей, который захватил с собой из дома. Реми откусил кусочек. Вкусно. Открыл рот шире, чтобы откусить еще, и тут захлопали крылья, перед глазами мелькнуло черное пятно, и палец в один миг стал красным. Лишь через мгновение он понял, что бутерброда в руках больше нет, а следом завопил при виде крови.

— Тихо, сынок, тихо, — пробормотал Сирус. — Дай взглянуть. — Он достал платок и забинтовал Реми палец. — Черт. Пойдем отсюда.

Они добрались до квартиры доктора Сурати. Реми уже не кричал, а лишь изредка всхлипывал от боли и негодования из-за украденного бутерброда. Он решил отныне всегда держать в карманах запас мелких камушков и кидаться ими в злых наглых птиц, что в Бомбее встречались на каждом шагу.

— Ненавижу ворон, — буркнул он, а Сирус успокаивающе протянул «ш-ш-ш». Старый друг семьи доктор Сурати усмехнулся.

Реми наложили три шва, а в награду за храбрость отец пообещал на следующей неделе сходить с ним в кино. Дома

Ширин увидела забинтованный палец и тут же бросилась осыпать сына поцелуями.

Настроение его матери менялось, как погода. И все же он надеялся, что все осталось позади: сложная природа их отношений и спешка, с которой он покинул Бомбей после смерти отца, бежав обратно к Кэти в Штаты. Тогда ему казалось, будто он торопится выплыть на берег из волн сумеречного океана, грозивших утащить его на дно. Но в этот раз — впервые в жизни — в родной город его привели не подводные течения прошлого, а обещание будущего.

Когда Реми вышел из душа, остальные уже проснулись. Одеваясь, он услышал грохот кастрюль на кухне и почувствовал запах чая по-персидски: со свежей мятой и лемонграссом. В дверь постучали. Заглянул Джанго в седре и пижамных брюках.

— *Саала**, ты успел сполоснуться? — спросил он, понюхал воздух в комнате и улыбнулся. — Тут все пропахло одеколоном. Хочешь соблазнить мою жену своими американскими штучками?

Реми усмехнулся. Стоило Джанго отпустить одну из своих пошлых шуточек, как вся неловкость, которую он испытывал накануне, боясь стеснить друзей своим присутствием, развеялась вмиг. Этот хорошо сложенный мужчина с намечающимся брюшком по-прежнему был тем самым остряком, который подружился с угрюмым Реми в первый школьный день во втором классе.

* Саала — досл. брат жены (хинди); в переносном значении является аналогом русских слов «черт» или «блин».

— Идем, — сказал Джанго. — Чай готов. Что будешь на завтрак?

— Что угодно. Может, кусочек тоста?

Джанго сердито взглянул на Реми.

— «Может, кусочек тоста?» — передразнил он и хлопнул Реми по спине. Они прошли по короткому коридору в столовую. — Да ты с этой Кэти в тощего кролика превратился, скажешь, нет? *Арре**, *саала*, ты в доме парсов**, а не в монастыре. Если не угощу тебя яйцами, сливками и маслом, мне придется отречься от своей религии!

Реми рассмеялся и покачал головой.

— Ладно, ладно.

Шеназ принесла поднос с тремя чашками чая. Реми забрал его; она поцеловала его в щеку.

— Как спалось, дорогой? — спросила Шеназ. — Кровать удобная?

— Спал сном младенца, — солгал Реми. — Всё замечательно.

— Тебе обязательно сегодня ехать к матери? Может, останешься с нами до самого отъезда?

— Хотел бы, но нет. — Знают ли Шеназ и Джанго о его прохладных отношениях с матерью? Они были его близкими друзьями, но он никогда не обсуждал с Джанго свою семью, хоть в детстве и отрочестве тот и провел в доме Реми

* Арре — индийское сленговое слово, обозначающее возглас удивления или раздражения, в зависимости от ситуации.

** Парсы — живущие в Индии и Пакистане последователи зороастризма иранского происхождения, чьи предки покинули Персию до исламизации (около 720 г.).

много времени. Наверняка от него не укрылось, что Реми с отцом связывали гораздо более близкие отношения. Замечают ли дети такое? Их детство было таким невинным; они с Джанго говорили только о спорте, музыке и девчонках.

— Мы тебе всегда рады, — сказала Шеназ, — ты это знаешь.

Он рассеянно улыбнулся. Шеназ встрепенулась и добавила:

— Окей, *чало**, хочу успеть позавтракать до прихода Моназ. Как насчет акури и французских тостов?

Реми застонал.

— О боже. Акури. От одного названия слюнки текут! — Мама Реми тоже готовила это блюдо — острый омлет с жареным луком и кинзой, посыпанный орехами и изюмом. Обычно они ели его на завтрак по воскресеньям, но Реми иногда просил сделать акури на ужин, и мама ему не отказывала.

— Расскажи о ней, — с набитым ртом попросил Реми. — О своей племяннице.

Джанго и Шеназ удивленно переглянулись.

— Притормози, *йаар***, — ответил Джанго, — полчаса назад ты так скромничал, что кусочком сушеного хлеба завтракать собирался, забыл уже?

Шеназ хлопнула мужа по руке.

— Хватит его дразнить, — она повернулась к Реми. — Моназ... ну как тебе сказать? Типичная студентка. Учится

* Здесь: давайте начнем (хинди).

** дружище (хинди).

хорошо, но ни черта не смыслит в жизни. Родители ее от всего оберегали. Наверно, поэтому все это особенно печально. — Она вздохнула. — Серьезно, Реми, представь — она только на пятом месяце догадалась, что беременна. Как можно быть такой бестолковой?

Реми невольно пожалел девушку, которую даже ни разу не видел.

— Кэти сказала, это не редкость. Криптобеременность, когда женщина только на позднем сроке понимает, что ждет ребенка.

— По-моему, это абсурд, — сказала Шеназ и пожала плечами. — Но, наверно, в девятнадцать я и сама не блистала умом. Моназ говорила, что из-за интенсивных тренировок у нее часто бывают задержки, иногда по несколько месяцев. — Шеназ сделала паузу, а после продолжила: — Слава Богу, ее лучшая подруга из колледжа затащила ее к врачу. Тогда-то она и узнала, что у нее будет мальчик. И сказала нам. Я ушам своим не поверила.

Реми покраснел и уставился в тарелку. Слишком много информации; ему необязательно было знать все эти подробности. Когда ему некоторое время назад прислали на электронную почту фотографию Моназ, он тут же уловил семейное сходство между Шеназ и племянницей: те же прямые темные волосы, пронизательные ясные глаза и пухлые губы. Ребенок будет красавцем, если, конечно, избранник Моназ — не Шрек.

Джанго откашлялся.

— А я целый год пытался помочь вам усыновить местного ребенка. И ни на шаг не приблизился к цели. Реми, ты даже не представляешь, какая тут бюрократия. В этой

стране все делается со скоростью улитки. В конце концов я сказал соцработнице: «*Арре*, мадам, такими темпами мой приятель станет отцом, когда у него седая борода отрастет и выпадут все зубы!» А когда Моназ к нам пришла, я сразу подумал о вас с Кэти. — Он покосился на жену. — Но Шеназ... она несколько дней ничего делать не могла. Была в шоке.

— Ты не знаешь моего брата Фируза, — Шеназ повернулась к Реми. — Они с женой... скажем так, не похожи на нас. Очень консервативная семья из маленького города. Они из Навсари. Если Фируз узнает о беременности, страшно подумать, что он делает.

Реми еле сдержался, чтобы не задать очевидный вопрос: а почему Джанго и Шеназ сами не захотели усыновить ребенка Моназ? Да, Джанго всегда утверждал, что они будут бездетными, что они ценят свою свободу и возможность жить как вздумается. Но появление ребенка в семье порой меняет планы. Они с Кэти лет до тридцати тоже не хотели детей, а в тридцать один год Кэти резко передумала, и он согласился. Тогда они еще не знали, что Кэти не сможет зачать. Реми вспомнил, сколько они потратили на лечение бесплодия — целое состояние. Но все оказалось зря. А потом Кэти предложила усыновить ребенка из Индии, Реми позволил Джанго и попросил помочь.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала Шеназ, неверно истолковав его молчание. — Почему Моназ не сделала аборт, да? — Она вглядывалась в его лицо. — Не смогла. К тому же она обратилась к нам на очень большом сроке.

— Все будет хорошо, — Реми обнял Шеназ за плечи. — Это же намного лучше, чем усыновлять чужого ребенка.

Малыш останется в семье. Вы с Джанго сможете приезжать и видеться с мальчиком.

— А еще мы точно знаем, что ребенок — наполовину парс и происхождение у него достойное, — заметил Джанго. — Если бы вы усыновили ребенка из приюта, неизвестно, кто бы вам достался. Сирота из трущоб, скорее всего, с непонятно какой наследственностью, индуист или мусульманин. Парсы редко отдают детей на усыновление.

Реми подумал о том же, когда Джанго позвонил ему в Колумбус, но все же поморщился, когда тот произнес это вслух. Он считал себя прогрессивным, светским человеком. Они с Кэти не отличались религиозностью. Но он признавал, что возможность усыновить ребенка-парса — большая удача. В их маленькой изолированной общине смертность превышала рождаемость: парсы вымирали, по всему миру их осталось меньше ста тысяч. Найти ребенка из богатой и образованной парсийской общины было равноценно чуду. Реми не знал взглядов матери на усыновление, но рано или поздно придется рассказать ей об истинной причине его приезда, а если они возьмут ребенка, чье происхождение будет прозрачным, Ширин наверняка спокойнее отнесется ко всему этому предприятию.

Устыдившись собственных мыслей, Реми сменил тему.

— Мы с Кэти... вы же нас знаете. Мы сделаем всё, чтобы ребенок Моназ — то есть *наш* ребенок — ни в чем не нуждался. Мы станем хорошими родителями, обещаю.

— В этом мы как раз не сомневаемся, — ответил Джанго. — Это будет самый счастливый ребенок в мире. *Арре*, будь я на пару лет моложе, я бы умолял вас с Кэти меня усыновить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru